ВОСПОМИНАНІЯ

ИЗЪ

СВЯЩЕННИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ ВО ВРЕМЯ ХОЛЕРЫ,

БЫВШЕЙ ВЪ 1848 ГОДУ.

Приходъ слободы Городища, Харьковской губерніи, Старобѣльскаго уѣзда, въ 1848 г. былъ пораженъ двумя страшными бѣдствіями,—неурожаемъ хлѣба и холерою. Сначала весны не было ни одного дождя; всходы хлѣбовъ и травъ, появившіеся на увлажненной снѣгомъ землѣ, скоро зажелтѣли, но въ одинъ день, къ концу мая мѣсяца, начали показываться какъ-бы дождевыя облачка и на южной сторонѣ небосклона образовалась темная туча, охватившая весь горизонтъ,—народъ ожидалъ благодатнаго дождя. Когда туча приблизилась, то днемъ сдѣлалось темно какъ ночью, и туча разразилась не дождемъ, а страшнымъ ураганомъ: снесены были крыши, опрокинуты вѣтряныя мельницы и тонкою пылью наполнился воздухъ на улицахъ и въ домахъ до того, что съ трудомъ можно было дышать. Ураганъ чрезъ нѣсколько дней еще повторился и затѣмъ снова небо „стало медяно, и земля желѣзна". Настали невыносимые жары, на поляхъ и въ огородахъ окончательно все сгорѣло; въ это-же время начали распространяться слухи, что въ станицахъ Войска Донскаго и хуторахъ появилась холера. Народъ пришелъ въ уныніе. Въ одинъ изъ воскресныхъ дней, послѣ литургіи, пришла ко мнѣ женщина, изъ хорошаго семейства, пожилая вдова, отличавшаяся христіанскою жизнію и усердіемъ къ Церкви, и стала разсказывать видѣнное ею въ ночь подъ пятницу такое сновидѣніе:

будто двѣ женщины необыкновенно высокаго роста, худыя, смуглыя до того, что трудно было отчетливо различить лица ихъ, съ распущенными длинными волосами, въ бѣлыхъ одеждахъ, вошли въ слободу съ южной стороны отъ границы Войска Донскаго; поровнявшись съ церковью передъ западными дверьми остановились и начали молиться, класть земные поклоны, потомъ, обратившись одна къ другой, вели такую рѣчь:—„Куда-же теперь?“—спросила одна изъ нихъ.—„Ты иди на востокъ по улицѣ къ мосту и потомъ по Волковской улицѣ *), отвѣчала другая,—а я пойду на западъ, на Кочеванъ“, **) и затѣмъ разошлись. Моя прихожанка, съ видимымъ смущеніемъ, спрашивала меня, что значитъ видѣнный ею сонъ?—Сонъ не объяснимый, какой-то знаменательный, сказалъ я, но что онъ значитъ—Богъ вѣсть. Спустя недѣлю, въ послѣобѣденные часы, когда я по обыкновенію занимался въ школѣ съ учениками, въ училище вошелъ одинъ крестьянинъ, крайне разстроенный, и просилъ поспѣшить напутствовать внезапно заболѣвшую женщину. Епитрахиль и требникъ я имѣлъ въ училищѣ, чтобы не тратить времени, когда прихожане приглашали меня для исполненія экстренной требы, а потому сейчасъ-же пошелъ въ домъ больной и нашелъ ее страшно почернѣвшею, съ потеряннымъ голосомъ и въ конвульсіяхъ; когда больная съ трудомъ исповѣдалась, я поспѣшилъ въ церковь взять св. Дары и едва успѣлъ пріобщить ее, какъ она скончалась. Сторожъ церковный, по имени Иванъ, отиравшій церковь и сопровождавшій меня къ больной, въ ту-же ночь заболѣлъ и умеръ. Эти два мертвеца отъ холеры,—первая на восточной сторонѣ, а вторая на западной,—привели мнѣ на память сонъ, разсказанный выше, и по дальнѣйшимъ моимъ наблюденіямъ смертность распространялась именно въ томъ направленіи и по тѣмъ улицамъ, на какія указывали видѣнныя во снѣ женщины. Внезапная смерть этихъ двухъ лицъ, какъ громомъ, поразила всѣхъ; всѣ пришли въ ужасъ, началось ежедневное служеніе, народъ началъ говѣть. Въ ско-

*) Названіе улицы, расположенной между горою и рѣкою Деркулою.

**) Сгущенное населеніе прихода, отдѣляющееся отъ центра слободы большою пустошью и называемою Кочеваномъ.

рости болѣзнь появилась въ хуторѣ Богдановомъ *), состоявшемъ въ Городищенскомъ приходѣ, въ слободѣ Поповкѣ и хуторѣ Гнидовкѣ. Въ Поповкѣ, гдѣ была церковь, не было священника, и мнѣ предписано было завѣдывать и этимъ приходомъ. Мои труды по исполненію требъ распредѣлялись такъ:—послѣ литургіи я сей-часъ-же отправлялся по домамъ напутствовать больныхъ и пока исполнялъ это, гробы умершихъ сносили къ церкви; сопроводивъ ихъ на кладбище, послѣ погребенія, прямо ѣхалъ въ хуторъ, находящійся отъ слободы въ 15 верстахъ, тамъ напутствовалъ больныхъ и погребалъ умершихъ; изъ хутора ѣхалъ въ слободу Поповку и, состоящій въ томъ-же приходѣ, хуторъ Гнидовку, затѣмъ къ вечеру возвращался въ свой приходъ; иногда очень поздно ночью и всегда заставалъ полную церковь и ограду прихожанъ, ожидающихъ моего возвращенія, а потому, не заходя домой, направлялся прямо въ церковь; благословивъ читать вечерню и утреню, начиналъ исповѣдывать,—всѣхъ успѣвшихъ исповѣдываться, въ теченіи короткой лѣтней ночи, утромъ на литургіи сообщалъ св. Таинъ. Послѣ литургіи опять въ такомъ-же порядкѣ исполнялись всѣ требы. Страшная и поразительная картина ежедневно представлялась глазамъ:—выходишь изъ церкви и видишь—нѣсколько гробовъ стоитъ на проулкѣ и нѣсколько телегъ у воротъ моего дома; родственники умершихъ, изъ опасенія, чтобы я не уѣхалъ изъ селенія, спѣшили заблаговременно приносить тѣла къ церкви, а посланные отъ заболѣвшихъ умоляли какъ можно скорѣе ѣхать напутствовать. Случалось иногда разомъ относить къ могиламъ болѣе десяти гробовъ и, несмотря на громадное стеченіе народа, не слышно было ни говора, ни воплей, не видно даже слезъ, лица были покрыты смертною блѣдностію; всѣ находились въ какомъ-то оцѣпененіи. При напутствованіи больныхъ приходилось видѣть такія сораданія и муки, что и теперь нельзя объ нихъ вспомнить безъ содроганія. Хуторъ Богдановъ расположенъ по низменности, въѣздъ въ него съ высокой горы и при въѣздѣ кладбище; чуть только покажется

*) Въ этомъ хуторѣ вскорѣ послѣ холеры выстроилась церковь и образовалъ самостоятельный приходъ.

экипажъ мой на горѣ, какъ во всѣхъ концахъ начинается движеніе; одни несутъ гробы на кладбище, другіе бѣгутъ на встрѣчу съ просьбою напутствовать и, разставаясь со мною, со слезами умоляютъ пріѣзжать къ нимъ пораньше на другой день. Въ это-то время и пришлось наблюдать драгоцѣнную простоту вѣры народа и всецѣлую преданность его волѣ Божіей.

Будучи свидѣтелемъ послѣднихъ вздоховъ этихъ простыхъ, добрыхъ душъ, я убѣдился, до какой степени они внимательно слѣдили не только за дѣлами, но и за чистотою своихъ помысловъ; приходилось слышать на исповѣди раскаяніе въ такихъ грѣхахъ, на которые люди, считающіе себя по развитію выше простаго народа, не обращаютъ и вниманія, и даже издѣваются надъ ними и приписываютъ ихъ неразвитости человѣка. Такъ: „мысленно выругалъ кого-нибудь; бывши на ярмаркѣ, посмотрѣлъ на комедію; человѣкъ упалъ съ лошади, а я засмѣялся, былъ въ церкви и задремалъ во время служенія.“ А между тѣмъ эта чуждая умствованія и легкомыслія простая вѣра, внѣдренная въ сердца ихъ отцами и духовными пастырями, спасала ихъ отъ преступленій, нынѣ почитаемыхъ обыкновенными, и возмущенія страстями; они жили въ возможной невинности и умирали въ мирѣ; смерть для нихъ не была страшна, а боялись они одного, чтобы не умереть безъ напутствованія и пріобщенія св. Таинъ. Многіе-ли теперь заботятся о томъ, чтобы дурныя дѣла погашать въ самомъ зародышѣ ихъ—въ мысляхъ, отвращать очи свои отъ соблазновъ и не только не глумиться надъ несчастіемъ ближняго, а спѣшить ему на помощь? Замѣчательный примѣръ христіанской любви къ ближнему явилъ собою въ это время одинъ глубокій почтенный старецъ Антонъ Терентьевичъ Бондаренко. Въ предсмертныя минуты, послѣ напутствованія его св. Таинами, начали совершать надъ нимъ Таинство Елеосвященія и, когда уже прошла большая половина служенія, пришелъ туда сынъ бѣднаго крестьянина заявить, что отецъ его сильно заболѣлъ. Старикъ, услыхавъ объ этомъ, со слезами началъ упрашивать меня: „Батюшка, оставьте служеніе и поспѣшите къ больному; я, слава Богу, исповѣдывался и пріобщился, а

не дай Богъ, тотъ умретъ безъ покаянія, моей душѣ будетъ грѣхъ, если вы черезъ меня замедлите". Какое умилительное чувство любви къ ближнему! Чрезъ нѣсколько минутъ я окончилъ служеніе и едва вышелъ изъ дому, старикъ скончался.

Что сказать о себѣ? Шестнадцать дней и ночей при ежедневномъ служеніи и почти ежеминутныхъ трудахъ я чувствовалъ себя въ какомъ-то полузабытьи и полусознательномъ состояніи. Пищи употреблялъ весьма мало; настоевъ, эликсировъ и никакихъ лекарствъ не принималъ, спалъ только во время переѣздовъ, такимъ образомъ, что сядешь въ экипажъ въ одномъ селеніи и откроешь глаза въ другомъ—совершенно безъ сознанія, когда и какъ проѣхалъ пространство въ 15 верстъ. Особеннаго упадка силъ не чувствовалъ, только сильно томила жажда и я нѣсколько разъ въ значительномъ количествѣ пилъ чай, а подъ конецъ стали представляться какія-то видѣнія. Такъ, одинъ разъ сопровождалъ я особенно много гробовъ, погребалъ ихъ въ 4-хъ общихъ могилахъ. Отпѣвши погребеніе при первой, надъ тремя гробами, я предалъ землѣ два гроба, а третій, по тѣсноте могилы, былъ вставленъ такъ, что нижняя часть гроба гдѣ ноги опустилась, а верхняя, гдѣ голова покойника, выдавалась надъ поверхностью, могилы, почему я, приказавъ расширить могилу и уставить гробъ, какъ слѣдуетъ, пошелъ погребать остальныхъ. Въ гробѣ этомъ было тѣло прихожанина Тимоѳея Смашки, кроткаго, добраго и всегда улыбавшагося. Окончивъ погребеніе въ остальныхъ трехъ могилахъ, я забылъ о первомъ своемъ распоряженіи поставить какъ должно гробъ Смашки и, не воротившись отпѣть его, отправился домой. Войдя въ комнату, я сѣлъ на стулъ; обратившись лицемъ къ дверямъ, смотрю и отчетливо вижу: у порога стоитъ крестьянинъ Тимоѳей Смашко и улыбаясь говоритъ: „Батюшка, а про меня и забыли, вы меня не печатали" *). Перекрестившись, я взялъ шляпу и палку и пошелъ обратно на кладбище. Когда подходилъ къ могилѣ, могильщики только что оканчивали работу; съ обычными пѣснопѣніями, я предалъ землѣ и добраго Смашко. Могильщиками служили три крестьянина, которые по данному обѣту постоян-

*) Малороссійское выраженіе,—значитъ не отпѣли.

но жили на кладбищѣ, заготовляли впередъ могилы и устанавливали гробы; никто изъ нихъ не умеръ даже и не болѣлъ. Помню имя одного—Алексѣй, житель Кочевана.

Изъ причта моего умеръ первымъ пономарь, потомъ заболѣлъ дьячекъ и уѣхалъ къ роднымъ въ сосѣднюю деревню, гдѣ оставался до выздоровленія, наконецъ умеръ діаконъ. Этого послѣдняго пришлось мнѣ облачать и погребать при участіи одного крестьянина, любителя церковнаго пѣнія и знатока устава. Имя его Ефимъ, въ народѣ назывался Дѣвиченко; фамилія его, впрочемъ, писалась иначе. Объ этой личности я сообщу ниже не безъинтересныя свѣдѣнія. Діаконъ умеръ на разсвѣтѣ. Ближайшій сосѣдъ его, приходившій извѣстить меня о смерти діакона, умеръ чрезъ нѣсколько часовъ, а къ вечеру обоихъ погребли въ одной могилѣ. Въ одно время пришлось испытать и мнѣ первые признаки холеры. Въ слободѣ Поповкѣ я напутствовалъ женщину, по имени Софью, о которой говорили, что она закоренѣлая молоканка. Мнѣ хотѣлось убѣдить ее, открыть, въ чемъ заключаются заблужденія этой секты; долго я склонялъ ее воспользоваться послѣдними минутами и раскаяться; но, несмотря на то, что ее терзали страшныя корчи и конвульсіи, такъ что волосы у нея на головѣ подымались какъ наэлектризованные, чего не случалось мнѣ видѣть ни прежде, ни послѣ,—я однако-жъ не успѣлъ достигнуть цѣли: она умерла, не давъ отвѣта на мои вопросы, только повторяла: „грѣшная, а ничего не знаю". Продолжительная бесѣда съ нею имѣла для меня такія послѣдствія: возвратившись въ свою временную квартиру въ домъ крестьянина, я началъ пить чай и при этомъ почувствовалъ страшную жажду, а потомъ вдругъ такъ сильно зажгло у меня внутри, что какъ будто вся внутренность моя вспыхнула и пламя хлынуло у меня изо рта. Я схватилъ чашку горячаго чаю, сразу выпилъ, — сдѣлалось легче. Затѣмъ чрезъ двѣ, три минуты тоже ощущеніе снова повторилось; я безпрестанно наливалъ кипящую воду прямо изъ самовара и пилъ ее какъ холодную, не ощущая жгучести; я выпилъ не менѣе 20-ти чашекъ, такъ что потъ полилъ съ меня струями. Затѣмъ, не помню, какъ я упалъ на скамью, гдѣ сидѣлъ, и уснулъ. Ночью

приходили крестьяне просить напутствовать, будили меня самымъ усиленнымъ образомъ, подымали, говорятъ, на рукахъ, долго держали въ сидячемъ положеніи и прислушивались, живъ-ли я, или уже умеръ; но я ничего этого не помню и не слыхалъ, а на зарѣ самъ открылъ глаза и увидѣлъ передъ собою стоявшаго хозяина дома. Вставши, чувствовалъ слабость и вмѣстѣ съ тѣмъ такую легкость тѣла, что казалось могъ-бы подняться на воздухъ. Немедленно поѣхалъ въ свой Городищенскій приходъ, по пути исповѣдывалъ одного больнаго. Дорогою приходила мнѣ лукавая мысль—пріѣхать домой и сказаться больнымъ, но когда подъѣхалъ къ церкви, то народъ, ожидавшій меня всю ночь, встрѣтилъ меня съ такою радостію и съ такими нѣжными привѣтствіями, что я, устыдившись своего намѣренія, пошелъ прямо въ церковь, благословилъ чтеніе утрени, началъ исповѣдывать и въ тотъ же день, совершивъ Божественную Литургію, сообщилъ говѣвшихъ св. Таинами. Въ то время и во всю мою жизнь въ душѣ моей было и есть глубокое убѣжденіе, что Господь даровалъ мнѣ жизнь ради крѣпкой вѣры простаго народа.

Въ приходахъ, Городищенскомъ и Поповскомъ, умерло отъ холеры болѣе 400 душъ. Памятникомъ значительныхъ пожертвованій на церковь во время холеры служатъ серебряныя ризы на мѣстныхъ иконахъ Спасителя и Божіей Матери; поступили онѣ отъ слѣдующихъ лицъ: недалеко отъ церкви, подъ плетнемъ, пришлось мнѣ напутствовать одного больнаго холерою нищаго. По пріобщеніи св. Таинъ, нищій сказалъ мнѣ, что у него есть въ заплатахъ рубища деньги и просилъ взять ихъ на церковь; я сказалъ ему, что пришлю церковнаго старосту, человѣка честнаго и богобоязненнаго. Старостою въ это время былъ крестьянинъ Евдокимъ Жукъ. Потерявъ жену и сына и оставшись одинокимъ, онъ съ особеннымъ усердіемъ служилъ церкви. Староста пріютилъ нищаго въ ближайшей хижинѣ, одѣлъ его въ чистое бѣлье и похоронилъ, а рубище хранилъ въ церковной кладовой и впослѣдствіи вынулъ изъ заплатъ его болѣе 300 рублей, въ числѣ коихъ оказались двѣ синихъ бумажки по 5 рублей, изъятыя уже изъ употребленія. Почти одновременно съ нищимъ заболѣлъ

также холерою сосѣдній донской помѣщикъ Вас. Ив. Фроловъ. Пригласивъ меня напутствовать, больной послѣ пріобщенія, просилъ взять нѣсколько свертковъ серебра на церковь, при чемъ разсказалъ, что серебро это хранится у него еще съ отечественной войны и досталось ему такимъ образомъ. Служилъ онъ хорунжимъ въ казачьемъ полку; послѣ сраженія въ Малоярославцѣ, при отступленіи французовъ, посланъ онъ былъ съ частью казаковъ въ разъѣздъ. „Въ одномъ лѣсу, разсказывалъ онъ, мы открыли избу, которая занята была французскими кавалеристами, и такъ удачно заперли ее и зажгли, что ни одинъ человѣкъ не вышелъ оттуда; верховыхъ лошадей забрали, одна-же изъ лошадей была запряжена въ маленькія санки. Такъ какъ я отъ природы имѣлъ искривленную ногу, то верховая ѣзда была для меня крайне утомительна; казаки предложили мнѣ ѣхать въ салазкахъ, а мою верховую лошадь повели въ поводу. Дорогою я замѣтилъ, что мѣстами лошадь слишкомъ усиленно везетъ салазки; я ощупалъ дно и нашелъ какой-то ящикъ. Пріѣхавши въ штабъ полка, я сдалъ ящикъ въ цейхгаузъ и взялъ квитанцію на свое имя, а по приходѣ на Донъ получилъ его какъ собственность. Возвратившись въ имѣніе, я разбилъ ящикъ и въ немъ оказались свертки серебряныхъ ризъ съ иконъ, ограбленныхъ французами. Часть изъ этого серебра употребилъ я на серебряную ризу для иконы трехъ Святителей — моего ангела, часть передѣлалъ на посуду, а остальное цѣло и доселѣ, которое и прошу принять въ церковь.“ Я сказалъ, что за полученіемъ этого дара пришлю старосту и высказалъ при этомъ свое мнѣніе, что серебро это приличнѣе всего употребить на ризы для иконъ, какъ оно и было прежде украшеніемъ именно этой святыни. Фроловъ согласился и обѣщалъ заплатить за работу, но когда ризы привезены были изъ Москвы, Фроловъ уже выздоровѣлъ и не исполнилъ своего обѣщанія; далъ только одинъ полуимперіалъ, уплатили-же за работу ризъ деньгами нищаго, найденными въ заплатахъ. Какая сила страстей!—подумали мы съ церковнымъ старостою, получивъ отказъ заплатить за ризы: возвратился къ жизни, возвратилась и страсть сребролюбія, а между тѣмъ для чего и для кого хранитъ че-

ловѣкъ свои стяжанія? Человѣкъ онъ былъ холостой, уже очень пожилыхъ лѣтъ. И дѣйствительно, въ скорости послѣ того онъ умеръ. Какіе-то далекіе наслѣдники раздѣлили имѣніе, домъ былъ проданъ на свозъ, а рѣка, надъ которою красовалась усадьба Фролова, во время половодья, взявъ другое направленіе, на всемъ томъ пространствѣ, гдѣ стоялъ домъ его и другія постройки, образовала обрывы и песчаныя кручи, поросшія по времени камышемъ; такъ погибла и память его. Появленіе серебряныхъ ризъ въ той мѣстности было такою рѣдкостью, что многіе изъ окрестныхъ селъ нарочно пріѣзжали посмотрѣть на это богатство, любовались, удивлялись и возревновали сами. Въ скорости потомъ появились ризы серебряныя на иконахъ Бѣловодскихъ церквей въ слободахъ: Бараниковкѣ, Литвиновкѣ и Стрѣльцовкѣ; въ этой послѣдней усердіемъ бывшаго старосты В. И. Калмыкова и сыновей его украшены серебряными ризами всѣ иконы въ двухъ ярусахъ иконостаса.

Крестьянинъ Дѣвиченко, о которомъ я упоминалъ выше, исправлявшій при мнѣ обязанности причетника послѣ смерти діакона, назывался въ народѣ такъ потому, что родился отъ дѣвицы, которая дала обѣтъ не выходить замужъ и, выучившись грамотѣ, жила въ особенной отъ семейства комнатѣ, занималась чтеніемъ псалтыря и болѣе чистою работою. Она носила черное платье. Такія дѣвицы есть почти въ каждомъ селеніи по Малороссіи и носятъ названіе черницъ, поэтому и Ефимъ назывался иногда Дѣвиченко, а иногда—Черниченко. О рожденіи его передавали такой разсказъ: въ Бѣловодской волости былъ волостной писарь, Гнида, семейный, имѣлъ хорошее состояніе и занимался собою; всегда чисто одѣвался, припомаживалъ голову и имѣлъ всѣ писарскіе пріемы,—не прочь былъ воспользоваться и наживою при каждомъ удобномъ случаѣ. Въ одно время сдѣлался съ нимъ такой переворотъ: велѣлъ запречь своихъ воловъ, насыпалъ возъ пшеницы; доѣхавши до рѣки Деркула, высыпалъ пшеницу въ рѣку, а воловъ кому-то подарилъ; самъ-же остригъ себѣ голову, выпачкалъ навозомъ и, одѣвшись въ рубище, пошелъ бродить по селеніямъ. Всѣ объясняли такія странныя его дѣйствія тѣмъ, что

онъ сошелъ съ ума, и жалѣли объ его несчастіи. На вопросъ: на что онъ высыпалъ пшеницу въ рѣку и вымачкалъ голову навозомъ — отвѣчалъ такъ: „я прежде бросалъ въ рѣку отраву рыбѣ, а теперь далъ ей возъ пшеницы, голову мазалъ помадою и думалъ, что она пахнетъ, она же пахнетъ только сверху, а внутри смердитъ; пусть-же она сверху смердитъ, а въ срединѣ пахнетъ". Однажды юродивый писарь этотъ пришелъ въ Городище, когда въ церкви шло Богослуженіе. На порогѣ церковномъ стояла черница, красивая по наружности и почитаемая крестьянами за ея добрую жизнь и кроткій нравъ; писарь подкрался къ ней и такъ ударилъ дѣвицу по уху, что она упала на землю, а самъ побѣжалъ по проулку. Крестьяне, бывшіе при этомъ, бросились за нимъ и, догнавши, спрашивали: за что онъ ударилъ невинную дѣвушку, что она ему сдѣлала? Писарь отвѣчалъ: „я ударилъ не ее, а бѣса, онъ сидѣлъ у нея на плечѣ, и на ухо шепталъ: „полюби того маляра, что хорошо поетъ на клиросѣ". Въ это время устраивали иконостасъ и одинъ изъ живописцевъ, молодой человѣкъ, отлично пѣлъ на клиросѣ. Крестьяне, сдѣлавъ расправу съ писаремъ по своему, т. е. побивши, пустили его, и, поговоривши о событіи, стали забывать. Между тѣмъ прошелъ годъ и послѣдствіемъ вражескаго нашептыванія явился у дѣвушки сынъ Ефимъ. Это, впрочемъ, было единственное ея паденіе; она всю жизнь потомъ оплакивала свой проступокъ, воспитала сына въ страхѣ Божіемъ, дожила при немъ до глубокой старости и кромѣ своей хижины и церкви не знала другаго мѣста. Ефимъ былъ кроткій, молчаливый, съ дѣвственной наружностью, постоянно посѣщалъ церковь и, владѣя прекраснымъ голосомъ, читалъ и пѣлъ на клиросѣ, за что пользовался любовію жителей. Послѣ юродиваго писаря Гниды остался сынъ его, Митрофанъ, и тоже, какъ полуумный, бродилъ по селамъ и монастырямъ. Всѣ считали его за дурачка, но его не связными словами и странностями прикрывалось что-то неразгаданное. Изъ многихъ разсказовъ о немъ я приведу два, хорошо мнѣ извѣстные. Былъ приглашенъ я въ домъ прихожанина моего, купца Масленикова, для благословенія просватанной съ женихомъ дочери; выходя оттуда, замѣтилъ я Митрофана въ

числѣ собравшихся посмотрѣть на торжество, и сказалъ ему: „ты зачѣмъ сюда пришелъ, иди-ка ты, да Богу молись“! — „Я только что былъ въ соборѣ, отвѣчалъ онъ; сказали мнѣ, что тамъ попы свадьбу вѣнчаютъ, я и пошелъ, а тамъ стоитъ гробъ, въ гробу лежитъ дѣвушка, убрана цвѣтами, и три попа въ черныхъ ризахъ служатъ похороны.“ Въ скорости послѣ сватанія дѣвушка Масленикова умерла, была убрана цвѣтами какъ невѣста и я съ двумя товарищами погребалъ ее въ Бѣловодскомъ соборѣ. Слова Митрофана были для меня неразгаданными, потому что въ соборѣ онъ въ то время быть не могъ; это было поздно вечеромъ, да никакого погребенія въ то время и раньше не было; но все объяснилось съ кончиною невѣсты. Другой случай о Митрофанѣ разсказывалъ мнѣ о. архимандритъ Святогорской пустыни, Арсеній. „Въ одно время, говорилъ онъ, пріѣхали въ Св. Горы двѣ помѣщицы изъ Войска Донскаго, благодѣтельницы монастыря; въ этотъ день я читалъ акаѳистъ, и послѣ акаѳиста пригласилъ ихъ посмотрѣть монастырь и мѣсто, на которомъ предполагалось строить соборъ. Когда ходили по монастырю, мною сталъ овладѣвать духъ гордости и надменія, въ головѣ носились мысли: какой высокій постъ занимаю я, какъ меня всѣ уважаютъ и какими громадными дѣлами распоряжаюсь. А когда барыни начали благодарить меня за отчетливое и умилительное чтеніе акаѳиста, я подумалъ: дѣйствительно, я неподражаемо читаю и при этомъ какъ-то величаво поднялъ голову и какъ будто измѣнилъ поступь. Вдругъ подходитъ ко мнѣ Митрофанъ и, взявши благословеніе, говоритъ: „Я до вашей милости, о. архимандритъ, посвятите меня въ іеромонаха“. Барыни улыбнулись, такъ какъ онъ былъ въ рубищѣ съ разными украшеніями изъ тряпокъ, и всклокоченными волосами. Я тоже принялъ шутливый тонъ и говорю: „зачѣмъ, Митрофанушка, быть тебѣ іеромонахомъ, здѣсь будетъ тебѣ трудно, а ты ступай въ деревню, тамъ будешь священникомъ“.— „Нѣтъ, о. архимандритъ, у священниковъ много писанья, тамъ я не гожусь, а здѣсь и дуракъ какой-нибудь можетъ быть, лишь-бы умѣлъ хорошо акаѳистъ читать“.—Какъ пелена спала съ моихъ душевныхъ глазъ:—мгновенно охватили меня стыдъ и

раскаяніе и я, простившись съ барынями, перекрестился и произнесъ: Благо мнѣ, яко смирилъ мя еси". Митрофанъ часто проживалъ въ Городищѣ и жители радушно принимали его; онъ никому ничего оскорбительнаго не дѣлалъ, ходилъ въ церковь и постоянно присутствовалъ при чтеніи житій святыхъ въ церковной сторожкѣ.

Въ приходѣ Городищенскомъ издавна заведено было на утреннемъ Богослуженіи, послѣ прочтенія каѳизмы, читать житіе дневнаго святаго, или-же другаго, по усмотрѣнію священника. Товарищемъ по церкви былъ отецъ Елисей, изъ діаконовъ; онъ имѣлъ сильный и пріятный голосъ и отчетливо читалъ съ амвона вмѣсто проповѣди житія святыхъ. Народъ съ особеннымъ вниманіемъ слушалъ и, не довольствуясь этимъ чтеніемъ въ церкви, въ большомъ количествѣ собирался по воскреснымъ днямъ въ церковную сторожку, часа за два до вечерняго и предъ утреннимъ Богослуженіемъ, и просилъ читать кого-либо изъ причта, или грамотнаго крестьянина; чаще всѣхъ занимался этимъ чтеніемъ въ сторожкѣ выше-упомянутый Ефимъ Дѣвиченко. Чтеніе это имѣло громадное вліяніе на нравственность жителей; большая часть изъ нихъ, неграмотные, усваивали примѣры благочестія, отчетливо передавали другимъ и удачно прилагали къ разнымъ случаямъ жизни. Съ другой стороны, нравственность жителей поддерживалась нѣкоторыми мѣстными, иногда и странными обычаями, которыми безпощадно преслѣдовались пороки. Нарушеніе цѣломудрія считалось страшнымъ преступленіемъ; въ теченіе болѣе десятилѣтняго моего служенія въ этомъ приходѣ не было ни одного такого преступнаго случая, но живо было преданіе изъ прошедшаго. Указывали на одно семейство, въ которомъ отца и мать подвергали позору за безчестное поведеніе дочери: на отца надѣли хомутъ съ лошади, а на мать мужское платье, и въ такомъ видѣ представляли пировавшей на свадьбѣ компаніи. Воровство тоже преслѣдовалось и наказывалось по народному обычаю. На ярмаркѣ одна женщина украла коробку, торговецъ догналъ ее, отнялъ коробку, толкнулъ женщину и тѣмъ дѣло кончилось; но послѣ ярмарки собрались старики, призвали воровку и присудили, на страхъ

другимъ, поводить ее, съ нарочито отысканною для этого коробкою, по улицамъ; привязали коробку къ спинѣ, десятскій за руку велъ женщину, а толпа мальчишекъ палочками барабанили въ коробку, и это дѣйствительно производило на крестьянъ потрясающее впечатлѣніе. Сквернословіе считалось ненавистнымъ порокомъ. По случаю избранія должностныхъ лицъ я приглашенъ былъ въ волостное правленіе служить молебенъ, а по окончаніи служенія указали кандидата на должность засѣдателя. Почтенные старики дали такой отзывъ о немъ: онъ человѣкъ хорошій и достойный довѣрія, но невоздержанъ на языкъ, неприлично ругается; онъ выучитъ и дѣтей нашихъ ругаться, а потому не годится. И его не избрали. Женщинѣ зайти въ кабакъ считалось большимъ позоромъ. Патріархальная жизнь Городищенскаго прихода и правила нравственности всегда вызывали въ душѣ моей самыя отрадныя воспоминанія. Уваженіе къ старшимъ, повиновеніе родителямъ и властямъ и благоговѣйная преданность Государю были отличительными чертами этого простаго народа. При первой вѣсти о смерти Императора Николая Павловича, въ 1855 г., послѣ общей панихиды, въ теченіе сорока дней ежедневно приносили хлѣбъ и свѣчи изъ частныхъ домовъ и просили служить за „Батюшку“ - Царя вселенскую панихиду: такъ называютъ они служеніе панихиды, положенное по уставу Церкви въ поминальныя субботы, когда читается весь канонъ и поются ирмосы, а по окончаніи панихиды дѣлается погребальный переборъ колоколовъ, въ другое-же время по усопшимъ служилась бо́льшею частію краткая литія. Вотъ чѣмъ былъ силенъ нашъ русскій народъ и чѣмъ пріобрѣлъ на свое государство Божіе благословеніе.

Прошло уже около тридцати лѣтъ, какъ я выбылъ изъ этого прихода. Произошли-ли какія перемѣны и какія именно—не знаю, но надо полагать, что благочестіе тамъ не оскудѣваетъ, такъ какъ въ селеніи этомъ вмѣсто деревянной церкви построена великолѣпная каменная съ новымъ иконостасомъ.

Протоіерей Симеонъ Иларіоновъ.